

Доверительное управление чужим имуществом: реформа на тропе войны¹

Аннотация. В статье описываются возможные пути реформирования норм о договоре доверительного управления в связи с предстоящей реформой ч. II Гражданского кодекса РФ. В настоящее время реформа данной части Гражданского кодекса РФ была проведена в отношении финансовых сделок, но нормы о посреднических сделках не были изменены, при этом ситуация осложняется тем, что реформа вещного права так и не состоялась. Модернизация положений гл. 53 ГК РФ о договоре доверительного управления обусловлена развитием экономических отношений по управлению корпоративными правами, ценными бумагами, инвестициями, пенсионными взносами, возникновением ряда новых форм осуществления инвестиционной деятельности, а также значительной разницей отношений «потребительского управления» имуществом в семейном и наследственном праве (управление в силу указания закона), «профессионального управления» имуществом в инвестиционных и иных предпринимательских сферах (добровольная передача имущества в управление).

Англо-американский опыт траста, а также иные модели «доверительной собственности» российским правом заимствованы быть не могут ни в какой форме. Право собственности должно остаться унитарным и не может иметь какие-либо формы. Ввиду этого в статье предлагается вместо англо-американского траста использовать европейские альтернативные модели управления чужим имуществом в виде обязательно-правовых институтов ведения чужого дела с использованием различных форм представительства (прямого и косвенного). Автор рассматривает возможность дифференциации профессионального и непрофессионального режима управления чужим имуществом, природы бенефициарного интереса, правил сегрегации объекта управления и природы ответственности доверительного управляющего.

Ключевые слова: договор доверительного управления; траст; доверительная собственность; фидуциарные сделки; бенефициарный интерес; гражданское законодательство; реформирование; фидуциарная ответственность; зарубежный опыт.

Для цитирования: Зикун И. И. Доверительное управление чужим имуществом: реформа на тропе войны // Lex russica. — 2021. — Т. 74. — № 11. — С. 134–143. — DOI: 10.17803/1729-5920.2021.180.11.134-143.

---

¹ Исследование подготовлено в рамках выполнения государственного задания, утвержденного Исследовательскому центру частного права имени С. С. Алексеева при Президенте Российской Федерации (номер научно-исследовательской работы в ЕГИСУ НИОКТР: АААА-А21-121012090141-8).

© Зикун И. И., 2021

* Зикун Илья Игоревич, кандидат юридических наук, консультант Исследовательского центра частного права имени С. С. Алексеева при Президенте Российской Федерации, старший эксперт фонда «Центр стратегических разработок», ассистент Высшей школы государственного аудита Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова
ул. Ильинка, д. 8, к. 2, г. Москва, Россия, 109012
i.zikun@yandex.ru

Trust Management of Other People's Property: Reform on the Warpath²

Ilya I. Zikun, Cand. Sci. (Law), Consultant, Private Law Research Centre for under the President of the Russian Federation named after S. S. Alexeev; Senior Expert, Center for Strategic Research Foundation; Assistant, Higher School of Public Audit, Lomonosov Moscow State University
ul. Ilinka, d. 8, str. 2, Moscow, Russia, 103132
i.zikun@yandex.ru

Abstract. The paper describes possible ways to reform the rules on trust management agreements in connection with the upcoming reform of Part II of the Civil Code of the Russian Federation. Currently, the reform of this part of the Civil Code of the Russian Federation is being carried out in relation to financial transactions, but the rules on intermediary transactions have not been changed, while the situation is complicated by the fact that the reform of property law has not taken place. The improvement of the provisions of Chapter 53 of the Civil Code of the Russian Federation on trust management agreements is due to the development of economic relations for the management of corporate rights, securities, investments, pension contributions, the emergence of a number of new forms of investment activity, as well as a significant difference in the relationship of "consumer management" of property in family and inheritance law (management by virtue of the law), as well as "professional management" of property in investment and other business areas (voluntary transfer of property to management).

The Anglo-American experience of the trust, as well as other models of "trust property" cannot be borrowed by Russian law in any form. The ownership right must remain unitary and cannot take any form. In view of this, the paper suggests using European alternative models of managing someone else's property in the form of mandatory legal institutions for conducting someone else's business using various forms of representation (direct and indirect) instead of the Anglo-American trust. The author considers the possibility of differentiating the professional and non-professional regime of managing someone else's property, the nature of the beneficial interest, the rules of segregation of the management object and the nature of the trustee's responsibility.

Keywords: trust management agreement; trust; trust property; fiduciary transactions; beneficial interest; civil legislation; reform; fiduciary responsibility; foreign experience.

Cite as: Zikun II. Doveritelnoe upravlenie chuzhim imushchestvom: reforma na trope voyny [Trust Management of Other People's Property: Reform on the Warpath]. *Lex russica*. 2021;74(11):134-143. DOI: 10.17803/1729-5920.2021.180.11.134-143. (In Russ., abstract in Eng.).

Введение

Российское гражданское право уже больше десяти лет находится в процессе затяжного реформирования. Реформа второй части ГК РФ была проведена в отношении финансовых сделок, но нормы о посреднических сделках так и не были изменены. Дело осложняется тем, что реформа вещного права так и не состоялась, а в 2020 г. был представлен для обсуждения уже второй проект федерального закона о внесении изме-

нений в ГК РФ в части реформирования институтов вещного права, разработанный рабочей группой под руководством В. В. Витрянского. В данной статье предлагаются варианты реформирования гл. 53 ГК РФ о договоре доверительного управления³.

С момента принятия второй части Гражданского кодекса Российской Федерации прошло более 25 лет. За это время экономические отношения в области управления чужим имуществом существенно осложнились. Сравни-

² The study was prepared as part of the state assignment approved by the S. S. Alekseev Research Center for Private Law under the President of the Russian Federation (number of research work in the USISU R&D: AAAAA21-121012090141-8).

³ См.: Зикун И. И. Гражданско-правовой титул инвесторов на имущество инвестиционных фондов SICAV и SICAF // Вестник гражданского права. 2020. № 6. С. 255–301 ; Он же. Генезис категории «фидуциарная собственность» в европейском гражданском праве // Вестник гражданского права. 2018. № 6. С. 192–219 ; Он же. Конструкция доверительного управления в гражданском праве: нефидуциарная фидуциарность // Вестник гражданского права. 2017. № 3. С. 52–102 ; Он же. Экстернальный эффект договора управления имуществом // Вестник гражданского права. 2017. № 6. С. 34–73 ; Он же. Кон-

вая состояние экономики в 1996 г. (на момент принятия второй части ГК РФ) и в настоящий момент, можно сказать, что существенно увеличился как объем иностранных инвестиций, так и объем экспорта и импорта. В сфере инвестиционной деятельности в зарубежных правовых порядках появилось множество институтов и механизмов для ее осуществления, которые в настоящий момент не могут быть использованы в России ввиду наличия регуляторных барьеров (например, инвестиционные общества с постоянным или переменным капиталом).

В настоящее время как минимум три организации уже приступили к разработке проекта федерального закона о трастах (доверительной собственности). Разработка данных проектов ведется в строжайшей секретности. Текст известен только малому кругу людей. Основной идеей, закладываемой разработчиками, является идея рецепции траста (доверительной собственности), от которой при разработке норм гл. 53 ГК РФ разработчики ГК РФ принципиально отказались. Скорее всего, в течение нескольких лет в России появится кулуарно разработанный федеральный закон о доверительной собственности, в основе которого будет лежать идея траста и трастовых фондов. Такой подход является заведомо неприемлемым для российского права. Поскольку натиск сторонников траста уже не сдержать, в настоящей статье предпринимается попытка предложить альтернативные варианты заимствования моделей управления чужим имуществом, функционально аналогичных трасту, но не вводящих в российское гражданское право системно чужеродные конструкции, разрушающие систему гражданского права изнутри.

Трасты привлекают представителей бизнеса по нескольким причинам: 1) стремление избежать многократного налогообложения при передаче имущества, в том числе в результате наследования; 2) конфиденциальность принадлежности имущества и создание полноценной ширмы для оборота в виде управляющего; 3) ограничение будущих обладателей имущества (бенефициаров) в способах распоряжения имуществом, а также сохранение контроля над имуществом даже после своей смерти; 4) профессиональное управление иму-

ществом долгий период времени, в том числе с диверсификацией рисков его утраты в связи с нестабильностью рынка. При написании норм гл. 53 ГК РФ была учтена цель назначить профессионального управляющего имуществом, но остальные три цели достигнуты не были.

Страны Европы за последние 20 лет существенно модернизировали свое законодательство в части регулирования отношений по управлению чужим имуществом (например, вступление в силу в 2014 г. Гражданского кодекса Чешской Республики⁴, принятие Директивы 2009/65/ЕС от 13.07.2009, Директивы 2011/61/EU от 08.06.2011, Директивы 2014/91/EU от 23.07.2014, разработка в 2009 г. титула 10 Принципов и модельных правил современного частного права (Principles, Definitions and Model Rules of European Private Law, Draft Common Frame of Reference (DCFR) и многое другое). Поводом к разработке новых правил об управлении чужим имуществом послужили экономические кризисы 2008 и 2012 гг.

В настоящий момент в России отношения по управлению чужим имуществом единообразно регулируются при управлении имуществом подопечного в институте опеки и попечительства (ст. 38 ГК РФ), при управлении инвестиционными резервами (ст. 1, 3, 10, 11 Федерального закона «Об инвестиционных фондах» от 29.11.2001 № 156-ФЗ), при управлении имуществом негосударственного пенсионного фонда (ч. 1 ст. 25 Федерального закона от 07.05.1998 № 75-ФЗ «О негосударственных пенсионных фондах»), при передаче в доверительное управление имущества предпринимателем в общем порядке ст. 1012 ГК РФ и т.д. Единообразно регулируются и отношения с участием предпринимателей, и отношения с участием физических лиц. Вместе с тем необходимо учитывать, что сфера управления имуществом (институт опеки и попечительства или инвестиционная деятельность) оказывает существенное влияние на обязанность управляющего, на его ответственность, на стандарт его разумности и добросовестности. В связи с этим нецелесообразно регулировать разнородные отношения с разным субъектным составом одними и теми же нормами закона.

Таким образом, необходимо предусмотреть разные правила регулирования отношений

струкция титульного обеспечения в гражданском праве: основные проблемы // Вестник гражданского права. 2016. № 2. С. 37–78.

⁴ Текст ГК Чехии на английском языке доступен по ссылке: URL: <http://obcanskyzakonik.justice.cz/images/pdf/Civil-Code.pdf> (дата обращения: 01.09.2021).

по управлению чужим имуществом, которые складываются в сфере управления имуществом физических лиц без цели извлечения прибыли (семейное право, наследственное право и т.д.) и в сфере предпринимательской деятельности, управления инвестиционными резервами, корпоративными правами, объектами недвижимости при помощи инвестиционного фонда недвижимости (Real Estate Investment Trust (REIT))⁵. Необходимо учесть, что физические лица по факту лишены возможности давать поручения и полностью зависят от решения управляющего. Напротив, в предпринимательской деятельности предприниматель как профессиональный участник оборота может давать поручения, а соответственно, и обязан нести негативные последствия от своего выбора.

Природа траста

Высказывалось множество предложений о допустимости рецепции российским правом англо-американского траста. Однако данный вариант невозможно осуществить по многим обстоятельствам, включая фундаментальные различия в российских и зарубежных вещных правах. Целесообразно воспользоваться опытом стран Европы (Чехии, Франции, Лихтенштейна, Ирландии), а также некоторых других стран (Сингапура, Канады, штата Иллинойс), в которых были приняты нормативные правовые акты, регулирующие отношения по управлению чужим имуществом на основе траста без восприятия идеи расщепления права собственности⁶. Целесообразно учитывать опыт таких стран, как Гер-

мания, Австрия и Швейцария, однако с учетом того, что в данных странах отсутствует регулирование трастов на законодательном уровне.

Институт управления чужим имуществом, закрепленный в названных странах, по смыслу англо-американского права трастом не является. Трастом можно называть только такую конструкцию, где управляющий становится собственником по закону, а учредитель управления становится собственником по праву справедливости. Однако в России могут быть заимствованы аналоги траста, которые были выработаны в зарубежных странах, не относящихся к семье общего права⁷.

Аналог траста в России может быть построен по следующей модели. Учредитель управления и управляющий заключают договор о ведении чужого дела. Заключение данного договора влечет два эффекта. Во-первых, возникает внутреннее правоотношение (обязательство) между сторонами договора. Во-вторых, учредитель управления наделяет управляющего полномочием на совершение сделок с третьими лицами от имени управляющего, но в интересах, за счет и на риск учредителя управления. Данная конструкция аналогична конструкции договора комиссии, построенной по модели косвенного представительства.

Так как косвенное представительство в силу п. 2 ст. 182 ГК РФ представительством не является, то нормы гл. 10 ГК РФ не могут быть субсидиарно применены. Однако принципы института представительства, в частности запрет конфликта интересов, к договору о ведении чужого дела могут быть применены. При законодательном регулировании договора о ведении

⁵ Подробнее об управлении инвестиционными резервами, а также о системе сдержек и противовесов см.: *Kronke H. Stiftungstypus und Unternehmensträgerstiftung*. Tübingen : Mohr Siebeck, 1988. S. 122 ; *Schumacher Ch. Die konzernverbundene Stiftung. Eine rechtsvergleichende Untersuchung des niederländischen und deutschen Rechts*. Waxmann ; Münster ; New York ; München ; Berlin, 1999. S. 46–48 ; *Paccas A. M. Rethinking Corporate Governance. The law and economics of control powers*. London ; New York : Routledge, 2012. S. 198 ; *Ronovská K., Lavicky P. Foundations and trust funds in the Czech Republic after the recodification of Civil Law: a step forward? // Trusts & Trustees*. 2015. Vol. 21. P. 639–644 ; *Ronovská K. Foundations in the Czech Republic: Yesterday, Today and Tomorrow // Developments in Foundation Law in Europe / ed. C. H. Prele. The Netherlands : Springer, 2014. P. 37.*

⁶ Подробнее см.: *Гражданское и торговое право зарубежных государств : учебник : в 2 т. / отв. ред. проф. А. С. Комаров, проф. А. А. Костин, проф. О. Н. Зименкова, доц. Е. В. Вершинина. М. : Статут, 2019. Т. 1 : Общая часть. С. 419 (автор главы — Е. А. Суханов).*

⁷ Подробнее см.: *Henssler M. Treuhandgeschäft — Dogmatik und Wirklichkeit // Archiv die civilistische Praxis*. 1996. Bd. 196. S. 37–87 ; *Ebbecke J. Verwaltungsrecht mit dinglicher Wirkung // Beiträge zur Erläuterung des deutschen Rechts. Jahrgang, 1917. S. 215 ; Klett J.-M. Die Trust-Struktur im Vertragsmodell des Investmentrechts*. Berlin : Duncker & Humblot, 2015. S. 132–216 ; *Asmus W. Dogmengeschichtliche Grundlagen der Treuhand. Eine Untersuchung zur romanistischen und germanistischen Treuhandlehre*. Peter Lang, 1977. S. 122–151.

чужого дела может быть учтено содержание абз. 2 п. 1 ст. 182, п. 3 и 4 ст. 182, ст. 184 ГК РФ, которые без специального указания в законе применяться не будут.

В связи с тем что в России уже более двадцати лет действуют положения ГК РФ о доверительном управлении, целесообразно предусмотреть норму о субсидиарном применении норм гл. 53 ГК РФ к договору о ведении чужого дела. Учитывая сходство договора о ведении чужого дела и договора комиссии, целесообразно при регулировании отношений из договора о ведении чужого дела учесть положения ст. 992–996, 999 ГК РФ. Применение абз. 2 ст. 992, ст. 997 ГК РФ к отношениям из договора о ведении чужого дела является крайне спорным.

Внутренние и внешние отношения управляющего

Управляющий не приобретает на объект управления какое-либо вещное право. Он находится в обязательственном правоотношении и имеет полномочие на заключение договоров с третьими лицами. Управляющий действует аналогично комиссионеру, поэтому третье лицо не может оспорить договор, заключенный с управляющим, на основании пп. 4 п. 2 ст. 178 ГК РФ (заблуждение в лице). Целесообразно воспроизвести содержание абз. 2 п. 1 ст. 990 ГК РФ. Кроме того, аналогично п. 2 ст. 993 ГК РФ в случае неисполнения третьим лицом обязательства управляющий обязан передать учредителю права по договору, но в договоре может быть предусмотрена обязанность управляющего, связанная с сопровождением процедуры по истребованию исполнения по неисполненному обязательству третьего лица (инкассо-цессия).

Целесообразно предусмотреть в главе о договоре о ведении чужого дела аналогичное п. 2 ст. 174 ГК РФ основание для оспаривания сделки по нецелевому распоряжению объектом управления (например, инвестиционными резервами) ввиду превышения управляющим полномочий из договора, если третье лицо

знало или должно было знать о превышении полномочий (имели место сговор или совместные действия управляющего и третьего лица по договору), а также о причинении явного ущерба интересам учредителя управления. Для случаев, когда третье лицо является добросовестным, целесообразно указать, что сделка является действительной.

Принципиальным является исключение для договора о ведении чужого дела действия нормы п. 3 ст. 1012 ГК РФ, в соответствии с которой управляющий обязан предупредить третье лицо при заключении с ним договора о своем статусе доверительного управляющего (указание «Д. У.»). Аналогично регулированию договора комиссии возможность интервенции учредителя управления в правоотношение управляющего и третьего лица (контрагента по договору с управляющим) не зависит от воли третьего лица, а находится в сфере внутренних отношений учредителя управления и управляющего. Для целей полноценного участия управляющего в обороте необходимо минимизировать вероятность раскрытия условий договора о ведении чужого дела, что неизбежно произойдет в случае распространения на управляющего по договору о ведении чужого дела действия п. 3 ст. 1012 ГК РФ.

Учитывая, что договор о ведении чужого дела чаще всего будет применяться в сфере инвестиционной деятельности, раскрытие своего статуса управляющего перед третьими лицами неизбежно, так как статус управляющей компании инвестиционными резервами должен найти отражение в названии юридического лица. Это правило является общераспространенным и используется во многих странах (например, Kapitalverwaltungsgesellschaft в Германии и management company в Директиве 2009/65/ЕС от 13.07.2009)⁸. Соответственно, права инвесторов будут защищены действием ст. 173 ГК РФ, при которой любое третье лицо будет знать о целевом ограничении деятельности управляющей компании инвестиционными резервами.

В случае наступления несостоятельности (банкротства) управляющей компании целесо-

⁸ Heberlein A. Die Investmentgesellschaft mit variablem Kapital (SICAV) und die Investmentgesellschaft mit festem Kapital (SICAF) im Vergleich. Dissertation. Schulhess Juristische Medien AG. Zürich, 2008. S. 81–146. См. также: Den Otter M. Investmentfonds, Grundlagen, Risiken und Chancen. 2. Auflage. Zürich, 2003. S. 10–94; Spinnler P. Die neue Rechtsform der SICAV im KAG und die Interessenwahrung der Anleger als Aktionäre // Zeitschrift für Gesellschafts- und Kapitalmarktrecht. 2007. S. 79–86; Jutzi Th., Feuz Ch., MiFID II, AIFMD und UCITS: Auswirkungen des EU-Vermögensverwaltungsrechts auf das grenzüberschreitende Geschäft Schweizer Finanzintermediäre // Jusletter Next. 25 April 2016. S. 1–86.

образно предусмотреть аналогичные ст. 1018 ГК РФ положения о юридической и фактической сегрегации объекта управления от имущества управляющего. На объект управления может быть обращено взыскание по долгам учредителя управления только в случае наступления его несостоятельности (банкротства). Целесообразно также предусмотреть регулирование вопроса включения требований учредителя управления в реестр требований кредиторов управляющего. В случае заключения обычного договора о ведении чужого дела, не связанного с осуществлением инвестиционной деятельности, требования учредителя управления целесообразно включать в третью очередь реестра требований кредиторов управляющего, как и всех остальных непривилегированных кредиторов.

Многие зарубежные страны предоставляют приоритет в очередности инвесторам (учредителям управления). Это связано прежде всего с тем, что инвесторы рассматриваются не как обычные кредиторы, а как вкладчики, чьи инвестиционные вклады (инвестиционные резервы) в силу указания закона были фактически и юридически сегрегированы от остального имущества управляющей компании⁹. Учитывая сегрегацию вкладов, право США, Англии, Германии и Франции предоставляет приоритет в очередности инвесторам (учредителям управления). В российском праве вкладчикам тоже предоставляется приоритет в очередности, но только в случае банкротства кредитных финансовых организаций, к которым управляющие инвестиционными фондами компании не относятся (пп. 2 п. 3 ст. 189.92 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»).

Отчуждение или посредничество?

В настоящий момент ст. 1012 ГК РФ допускает передачу имущества в управление в интересах учредителя управления. Вместе с тем траст является сделкой по отчуждению имущества, при котором учредитель управления больше не может считать имущество своим, но и бене-

фициар также не может претендовать на это имущество. В этом и заключается фактическая и юридическая сегрегация объекта управления, которые в российском праве выразились в ст. 1018 ГК РФ.

Невозможно объяснить предоставление каких-либо налоговых льгот, а тем более защиту имущества от обращения взыскания по долгам учредителя управления без возбуждения процедуры несостоятельности (банкротства) в отношении учредителя управления. Защита объекта траста от обращения взыскания объясняется именно тем, что это имущество уже не является имуществом учредителя управления. В российском же праве идея защиты объекта управления воспринята, а идея отчуждения объекта управления не воспринята, в связи с чем договор доверительного управления из сделки по отчуждению имущества приобрел признаки посреднической сделки.

Вопрос о том, почему лицо может в своем интересе для получения прибыли передать имущество третьему лицу и защитить его тем самым от обращения взыскания, в российском праве так и остается без ответа. Если лицо действует в своем имущественном интересе, то оно не должно претендовать на защиту от обращения взыскания на объект управления. Структура договорных правоотношений в договоре доверительного управления не имеет ничего общего со структурой отношений в трасте.

Трасты по общему правилу могут быть установлены только в интересах бенефициара (третьего лица)¹⁰. В английском праве часто возникают случаи злоупотребления со стороны учредителя траста, которые выражаются в передаче имущества в траст в пользу своих родственников или аффилированных лиц без лишения учредителя траста контроля над имуществом посредством назначения его протектором траста. Данная схема направлена на защиту имущества от обращения взыскания по требованиям кредиторов без фактического лишения учредителя траста имущества. Учитывая то, что договор о ведении чужого дела изначально, в отличие от договора доверительного управления, рассчитан на передачу в управление имущества предпринимателя,

⁹ Подробнее см.: Чичакаян Р. А., Зикун И. И. Защита прав инвесторов в рамках процедуры несостоятельности (банкротства) некредитных финансовых организаций: сравнительно-правовой очерк // Вестник гражданского права. 2018. № 6. С. 239–274.

¹⁰ См.: Waters D. W. M. The Nature of the Trust Beneficiary's Interest // Canadian Bar Review. 1967. Vol. 45. P. 217.

целесообразно предусмотреть в законе возможность признания недействительным договора о ведении чужого дела, при котором учредитель управления сохраняет за собой контроль над имуществом, над условиями договора о ведении чужого дела, над управляющим. Целесообразно учесть опыт английских судов по мнимым трастам (sham trust).

Учитывая все привилегии, которые предоставляются трастам (защита от обращения взыскания, налоговые льготы и др.), необходимо воспринять также и все ограничения, которые императивно налагаются на трасты. В частности, необходимо учесть, что ни учредитель управления, ни бенефициар не могут произвольно прекратить траст. Режим траста после его учреждения перестает зависеть от сторон договора.

Бенефициарный интерес

Статус выгодоприобретателя в гл. 53 ГК РФ не очерчен. Применение к договору доверительного управления положений ст. 430 ГК РФ порождает ряд вопросов: может ли выгодоприобретатель заявить о расторжении договора, участвовать в заключении дополнительных соглашений к нему, новировать обязательство, прощать долг, принимать суррогаты исполнения. Может возникнуть ощущение, что выгодоприобретатель становится стороной в договоре доверительного управления. Но это не так¹¹.

«Бенефициарный интерес» — особая категория англо-американского права, не имеющая аналога в странах континентального права¹². Выгодоприобретатель при передаче имущества в траст не может считать это имущество своим. Он может довольствоваться только тем, что отведено ему учредителем траста. Объект траста не входит в конкурсную массу бенефициара. Он не может влиять на условия управления, отстранять управляющего, прекращать договор,

распоряжаться объектом управления и каким-либо иным образом влиять на существование траста. В исключительных случаях его мнение может быть учтено судом, но не более того. В этом и выражается правило «мертвой руки», когда учредитель траста даже после своей смерти сохраняет свою власть над имуществом и определяет его судьбу¹³.

Договоры в пользу третьего лица эту особенность статуса бенефициара не учитывают¹⁴. Но договорные возможности бенефициара всегда ограничены волей учредителя траста. В положениях же ст. 430 ГК РФ и гл. 53 ГК РФ не говорится, что выгодоприобретатель связан волей учредителя управления. Такое положение дел противоречит смыслу передачи имущества в управление в интересах выгодоприобретателя. С таким же успехом можно было просто подарить или завещать имущество выгодоприобретателю.

Положения гл. 53 ГК РФ ничего не говорят об усеченном статусе выгодоприобретателя, чем нивелируют саму идею передачи имущества в управление. Есть и множество других способов обеспечения профессионального управления имуществом. Отдельный договорный тип для этого не нужен. Учреждение юридического лица и внесение в его уставный капитал имущества могло бы эффективно выполнять ту же функцию, что договор доверительного управления, закрепленный в гл. 53 ГК РФ.

Таким образом, при реформировании норм о договоре доверительного управления целесообразно более подробно описать статус выгодоприобретателя, его права, возможность вмешаться в порядок управления имуществом только в исключительных случаях и т.д. Учитывая, что европейские правовые порядки все равно не пошли дальше ст. 430 ГК РФ, рецепции чужеродной российскому праву категории «бенефициарный интерес» можно избежать путем конкретизации статуса выгодоприобретателя, конкретизируя действие ст. 430 ГК РФ в ряде вопросов.

¹¹ Как обоснованно указывает Е. А. Суханов, «он [выгодоприобретатель] не становится стороной договора доверительного управления, представляющего собой договор в пользу третьего лица (п. 1 ст. 430 ГК РФ)» (см.: Гражданское право : учебник : в 4 т. / отв. ред. Е. А. Суханов. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Статут, 2020. Т. 4. С. 231 (автор главы — Е. А. Суханов)).

¹² См.: *Bogert G. G., Bogert G. T. The Law of Trusts and Trustees*. West Publishing Company, 1964. P. 490–538.

¹³ См.: *Katz S. N., Sullivan B., Beach P. C. Legal Change and Legal Autonomy: Charitable Trusts in New York* // *Law & History Review*. 1985. Vol. 51. P. 1777–1893.

¹⁴ Подробнее о природе прав третьего лица см.: *Unger J. Die Verträge zu Gunsten Dritter* // *Jahrbuch für die Dogmatik des heutigen römischen und deutschen Privatrechts*. 1871. Bd. 10. S. 1–109.

Фидуциарная ответственность

Передача права на объект управления в целях профессионального управления имуществом сопровождается повышенной уязвимостью учредителя управления и бенефициара¹⁵. Легко представить, сколько злоупотреблений возможно со стороны управляющего (сокрытие дохода от управления, использование имущества в собственных целях, отчуждение имущества по заниженной цене, нецелевое использование или распоряжение имуществом и многое другое). Российское право не реагирует на повышенную уязвимость учредителя и бенефициара, привлекая к ответственности доверительного управляющего по общим правилам п. 1 ст. 393 и ст. 15 ГК РФ.

Право стран common law уже давно вырабатало особый вид ответственности для правоотношения, в котором один из участников лишен какой-либо формы контроля за другим участником¹⁶. Особая реакция правопорядка выразилась в фидуциарной ответственности. Ответственность за нарушение фидуциарной обязанности является штрафной и возникает за сам факт нарушения, что обуславливает отказ от установления причинно-следственной связи. Фидуциар присуждается к выплате денежных средств в справедливом размере (equitable compensation), что, во-первых, облегчает доказывание размера убытков, а во-вторых, превентивно влияет на управляющего, который возместит учредителю явно больше, чем получит от своего неправомерного поведения. Фидуциар презюмируется виновным в нарушении фидуциарной обязанности, что влечет возложение на него бремени доказывания своей невиновности или отсутствия нарушения условий договора. Устанавливается презумпция недействительности сделки, совершенной управляющим, а также предъявляются повышенные требования к стандарту доказывания (управляющий обязан привести очевидные доказательства правомерности своего поведения). Ответственность управляющего является строгой (strict liability).

При выделении в России режима профессионального управления зарубежный опыт предъ-

явления повышенных требований к поведению доверительного управляющего, стандарту доказывания и к его ответственности может быть учтен при выделении договора ведения чужого дела при профессиональном управлении. Повышенная уязвимость учредителя управления может стать причиной отхода от классических правил гражданско-правовой ответственности в разумных пределах.

Выводы

Очевидно, что реформа положений гл. 53 ГК РФ о договоре доверительного управления нужна и обусловлена развитием экономических отношений по управлению корпоративными правами, ценными бумагами, инвестициями, пенсионными взносами, возникновением ряда новых форм осуществления инвестиционной деятельности, а также существенной разницей отношений «потребительского управления» имуществом в семейном и наследственном праве (управление в силу указания закона), «профессионального управления» имуществом в инвестиционных и иных предпринимательских сферах (добровольная передача имущества в управление).

Англо-американский опыт траста, а также иные модели «доверительной собственности» российским правом заимствованы быть не могут ни в какой форме. Право собственности должно остаться унитарным и не может иметь какие-либо формы. Однако европейские функциональные аналоги в виде обязательственно-правовых институтов ведения чужого дела с использованием различных форм представительства (прямого и косвенного) могут быть использованы российским правом.

При этом может быть также учтен опыт европейских стран по особому усеченному статусу бенефициара, признанию недействительной сделки по нецелевому распоряжению объектом управления при недобросовестности третьего лица, особому виду гражданско-правовой ответственности управляющего, перераспределению материального бремени доказывания и др.

¹⁵ См.: Duggan A. Contracts, Fiduciaries, and the Primacy of the Deal // Exploring Private Law / ed. by E. Bant, M. Harding. Cambridge University Press, 2010. P. 275–279.

¹⁶ См.: Webb C., Akkouch T. Trusts Law. 3rd ed. Palgrave Macmillan, 2013. P. 200–245.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Учебник : в 2 т. / отв. ред. проф. А. С. Комаров, проф. А. А. Костин, проф. О. Н. Зименкова, доц. Е. В. Вершинина. — Т. 1 : Общая часть. — М. : Статут, 2019.
2. Чичакян Р. А., Зикун И. И. Защита прав инвесторов в рамках процедуры несостоятельности (банкротства) некредитных финансовых организаций: сравнительно-правовой очерк // Вестник гражданского права. — 2018. — № 6. — С. 239–274.
3. Asmus W. Dogmengeschichtliche Grundlagen der Treuhand. Eine Untersuchung zur romanistischen und germanistischen Treuhandlehre. — Peter Lang, 1977.
4. Bogert G. G., Bogert G. T. The Law of Trusts and Trustees. — West Publishing Company, 1964.
5. Duggan A. Contracts, Fiduciaries, and the Primacy of the Deal // Exploring Private Law / ed. by E. Bant, M. Harding. — Cambridge University Press, 2010. — P. 275–279.
6. Ebbecke J. Verwaltungsrecht mit dinglicher Wirkung // Beiträge zur Erläuterung des deutschen Rechts. — 1917.
7. Heberlein A. Die Investmentgesellschaft mit variablem Kapital (SICAV) und die Investmentgesellschaft mit festem Kapital (SICAF) im Vergleich : Dissertation. — Zürich, 2008.
8. Henssler M. Treuhandgeschäft — Dogmatik und Wirklichkeit // Archiv die civilistische Praxis. — 1996. — Bd. 196. — S. 37–87.
9. Katz S. N., Sullivan B., Beach P. C. Legal Change and Legal Autonomy: Charitable Trusts in New York // Law & History Abstract. — 1985. — Vol. 51. — P. 1777–1893.
10. Klett J.-M. Die Trust-Struktur im Vertragsmodell des Investmentrechts. — Berlin : Duncker & Humblot, 2015. — S. 132–216.
11. Kronke H. Stiftungstypus und Unternehmensträgerstiftung. — Tübingen : Mohr Siebeck, 1988.
12. Den Otter M. Investmentfonds, Grundlagen, Risiken und Chancen. — 2. Auflage. — Zürich, 2003. — S. 10–94.
13. Paces A. M. Rethinking Corporate Governance. The law and economics of control powers. — London ; New York : Routledge, 2012.
14. Ronovská K. Foundations in the Czech Republic: Yesterday, Today and Tomorrow // Developments in Foundation Law in Europe / ed. C. H. Prele. — The Netherlands : Springer, 2014.
15. Ronovská K., Lavický P. Foundations and trust funds in the Czech Republic after the recodification of Civil Law: a step forward? // Trusts & Trustees. — 2015. — Vol. 21. — P. 639–644.
16. Schumacher Ch. Die konzernverbundene Stiftung. Eine rechtsvergleichende Untersuchung des niederländischen und deutschen Rechts. — Waxmann ; Münster ; New York ; München ; Berlin, 1999.
17. Spinnler P. Die neue Rechtsform der SICAV im KAG und die Interessenwahrung der Anleger als Aktionäre // Zeitschrift für Gesellschafts- und Kapitalmarktrecht. — 2007. — S. 79–86.
18. Jutzi T., Feuz Ch. MiFID II, AIFMD und UCITS: Auswirkungen des EU-Vermögensverwaltungsrechts auf das grenzüberschreitende Geschäft Schweizer Finanzintermediäre // Jusletter Next. — 25. April 2016. — S. 1–86.
19. Unger J. Die Verträge zu Gunsten Dritter // Jahrbuch für die Dogmatik des heutigen römischen und deutschen Privatrechts. — 1871. — Bd. 10. — S. 1–109.
20. Waters D. W. M. The Nature of the Trust Beneficiary's Interest // Canadian Bar Abstract. — 1967. — Vol. 45.
21. Webb C., Akkouch T. Trusts Law. — 3rd ed. — Palgrave Macmillan, 2013.

Материал поступил в редакцию 14 сентября 2021 г.

REFERENCES

1. Komarov AS, Kostin AA, Zimenkova ON, Vershinina EV (eds.). Uchebnik. T1. Obshchaya chast [A Textbook. Vol. 1: General part]. In 2 vols. Moscow: Statut; 2019. (In Russ.)
2. Chichakyan RA, Zikun II. Zashchita prav investorov v ramkakh protsedury nesostoyatel'nosti (bankrotstva) nekreditnykh finansovykh organizatsiy: sravnitel'no-pravovoy ocherk [Protection of investors' rights in the framework of the insolvency (bankruptcy) procedure of non-credit financial organizations: A comparative legal essay]. *Vestnik grazhdanskogo prava [Civil Law Review]*. 2018;6:239-274. (In Russ.)
3. Asmus W. Dogmengeschichtliche Grundlagen der Treuhand. Eine Untersuchung zur romanistischen und germanistischen Treuhandlehre. Peter Lang; 1977.
4. Bogert GG, Bogert GT. The Law of Trusts and Trustees. West Publishing Company; 1964.

5. Duggan A. Contracts, Fiduciaries, and the Primacy of the Deal. In: Bant E, Harding M (eds.). *Exploring Private Law*. Cambridge University Press; 2010. Pp. 275–279.
6. Ebbecke J. Verwaltungsrecht mit dinglicher Wirkung. Beiträge zur Erläuterung des deutschen Rechts; 1917.
7. Heberlein A. Die Investmentgesellschaft mit variablem Kapital (SICAV) und die Investmentgesellschaft mit festem Kapital (SICAF) im Vergleich: Dissertation. Zürich; 2008.
8. Henssler M. Treuhandgeschäft. Dogmatik und Wirklichkeit. *Archiv die civilistische Praxis*. 1996;196:37-87.
9. Katz SN, Sullivan B, Beach PC. Legal Change and Legal Autonomy: Charitable Trusts in New York. *Law & History Abstract*. 1985;51:1777-1893.
10. Harribey JM. Die Trust-Struktur im Vertragsmodell des Investmentrechts. Berlin: Duncker & Humblot; 2015.
11. Kronke H. Stiftungstypus und Unternehmensträgerstiftung. Mohr Siebeck. Tübingen; 1988.
12. Matthäus DO. Investmentfonds, Grundlagen, Risiken und Chancen. 2. Auflage. Zürich; 2003. P. 10–94.
13. Paccès AM. Rethinking Corporate Governance. The law and economics of control powers. Routledge: London. New York; 2012.
14. Ronovská K. Foundations in the Czech Republic: Yesterday, Today and Tomorrow. In: Prele CH (ed.). *Developments in Foundation Law in Europe*. Springer. The Netherlands; 2014. P. 37.
15. Ronovská K. Lavický P. Foundations and trust funds in the Czech Republic after the recodification of Civil Law: A step forward? *Trusts & Trustees*. 2015;21:639-644.
16. Schumacher Ch. Die konzernverbundene Stiftung. Eine rechtsvergleichende Untersuchung des niederländischen und deutschen Rechts. Waxmann. Münster. New York: München. Berlin; 1999. P. 46–48.
17. Spinnler P. Die neue Rechtsform der SICAV im KAG und die Interessenwahrung der Anleger als Aktionäre. *Zeitschrift für Gesellschafts- und Kapitalmarktrecht*. 2007:79-86.
18. Jutzi T, Feuz Ch. MiFID II, AIFMD und UCITS: Auswirkungen des EU-Vermögensverwaltungsrechts auf das grenzüberschreitende Geschäft Schweizer Finanzintermediäre. *Jusletter Next* (25 April 2016). P. 1–86.
19. Unger J. Die Verträge zu Gunsten Dritter. *Jahrbucher für die Dogmatik des heutigen römischen und deutschen Privatrechts*. 1871;10:1-109.
20. Waters DWM. The Nature of the Trust Beneficiary's Interest. *Canadian Bar Abstract*. 1967;45.
21. Webb C, Akkouch T. *Trusts Law*. 3rd ed. Palgrave Macmillan; 2013. P. 200–245.